Я – СВЕТ, КОТОРЫЙ НАД ВСЕМИ
РХ
2000
ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ
ЛИЦА СВЯТЫХ ОТ ИИСУСА К НАМ
В СИЛЕ ДУХА

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Жанна д'Арк

Серия «Лица святых от Иисуса к нам», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175074

Аннотация

В трилогию «Лица святых от Иисуса к нам» русского писателя и философа Д.С.Мережковского (1865–1941) вошли книги «Павел. Августин» (1936), «Франциск Ассизский» (1938) и «Жанна д`Арк» (1938), которые фактически являются продолжением его «Иисуса Неизвестного». В новой трилогии автор снова обратился к своей главной теме, соединив в одном религиозно-философском произведении многовековую мистерию христианства и современность.

Содержание

I. Св. Жанна и Третье Царство Духа 4
I 4
II 5
III 6
IV 7
V 8
VI 9
VII 10
VIII 11
IX 12
X 14
XI 16
XII 17
XIII 18
XIV 20
XV 21
XVI 22
XVII 23
XVIII 24
XIX 25
II. Жизнь св. Жанны д'Арк 26
I 26
II 27
III 29
IV 30
V 31
VI 32
VII 33
VIII 34
IX 35
X 36
XI 37
XII 38
XIII 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Дмитрий Сергеевич Мережковский
Жанна д'Арк

I. Св. Жанна и Третье Царство Духа

I

Sancta Iohanna, ora Deum pro nobis!
Святая Жанна, моли Бога за нас!

Это говорят сейчас в христианской некогда, а теперь уже давно от Христа отступившей, хуже, чем языческой, – религиозно не существующей Франции, может быть, многие, но бессильные, потому что одинокие, никаким религиозно-общим, судьбы страны решающим действием не соединенные, верующие люди; или даже не говорят, а только шепчут, каждый про себя, чуть слышным тайным шепотом. Скажет ли это когда-нибудь снова христианская, ко Христу вернувшаяся Франция, внятно, громко, так, чтобы услышал весь мир? «Скажет», – отвечают одни, может быть, слишком легко, потому что слишком этого хотят; а другие так же легко отвечают: «Не скажет», может быть, тоже потому, что этого слишком не хотят. Но не лучше ли было бы для тех и других, прежде чем ответить на этот вопрос, глубже над ним задуматься, чтоб не услышать и тем и другим одного приговора: «ты взвешен на весах и найден очень легким»; глубже задуматься и, может быть, почувствовать всю грозную тяжесть вопроса не только для одной Франции, но и для всего христианского мира, потому что если Жанна действительно святая не одной из двух Церквей, Западной, а единой Церкви Вселенской, то она принадлежит всему христианскому миру; и еще потому, что если Жанна действительно спасла Францию, то спасла и Европу, так как в XX веке еще несомненнее, чем в XV, что Европы нет без Франции и что спастись или погибнуть этой части Европейского тела – значит и всему телу погибнуть или спастись.

II

Две святые: первая – бывшей, христианской, вторая – настоящей, от Христа отступившей, и, может быть, будущей, снова ко Христу вернувшейся Франции – св. Жанна д'Арк и св. Тереза Лизьёская. Та не похожа на эту, как XV век на XIX.

Всю мою вечность на небе я буду делать добро на земле, —

могла бы сказать и Жанна, как Тереза.[1] В этом для них обеих главном и все в их святости решающем, сказанном Терезой и молча сделанном Жанной так, как, может быть, никто из святых никогда не говорил и не делал, – в этом они больше чем друг на друга похожи – они как бы в двух телах, двух Франциях, бывшей и будущей, одна душа.

Истинную душу свою потерять – значит для народа так же, как для человека, погибнуть, а найти – значит спастись. Пять веков, отделяющих Жанну от Терезы, бывшую христианскую Францию от настоящей, религиозно не существующей, – все эти пять веков великой потери души, может быть, ничего другого не делала Франция, как только того, что потерянной души своей искала. Найдет ли, спасется, или не найдет, погибнет, – не будем отвечать и на этот слишком тяжелый вопрос слишком легко; прежде чем ответить, вспомним, как дважды на него уже ответила во времени и все еще, может быть, отвечает в вечности одна душа в двух телах: св. Жанна – св. Тереза. В этих только двух отвечает она так внятно для нас, близко к нам, как, может быть, больше ни в ком из святых:

всю мою вечность на небе я буду делать добро на земле.

Путь всех святых – от земли к небу, от этого мира к тому; только у этих двух – обратный путь: от неба к земле, от того мира к этому. «Царство Мое не от мира сего» – это поняли св. Тереза и св. Жанна совсем не так, противоположно тому, как поняли почти все прочие святые, кроме ближайших учеников Господних. «***Ныне*** царство Мое (еще) не от мира сего» – в мир еще не пришло, но уже идет и будет в мире; «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» – это обе они сказали и сделали уже во времени и все еще, может быть, говорят и делают в вечности.

Не потому ли от Церкви уходящий мир узнал и полюбил их обеих раньше, чем от мира ушедшая Церковь? «Мира Дитя Любимое», L'Enfant Cherie du Monde, – этим именем Терезы можно бы назвать и Жанну. Обе любят «мир, лежащий во зле», и миром любимы обе, как, может быть, никто из святых.

[1] Fernand Laudet. «L'enfant chérie du monde»… sainte Thérèse de Lisieux. Tours: A. Mame et fils [1927]. P. 78. – «Je veux passer mon ciel a faire du bien sur la terre».

III

Мира не покинули обе в крайнем зле его – войне. В первой войне, едва не погубившей Францию, а с ней и всего христианского мира – все потому же, потому что мира нет без Франции, – родилась Жанна; а Тереза – до начала второй войны, большей, ближе еще приведшей весь христианский мир к самому краю гибели; до начала войны внешней родилась Тереза, а внутренне война уже началась для нее – как бы с нею уже родилась.

Жанна двумя мечами сражалась – духовным и вещественным; только одним духовным – Тереза, но так же бесстрашно и в таком же смертном бою, как Жанна.

«В детстве мечтала я сражаться на бранных полях. Помню, когда я училась французской истории, подвиги Жанны д'Арк восхищали меня… Быть, как она, мечтала я и чувствовала в себе достаточно для этого силы. Мне казалось, что Бог избрал и меня для таких же великих дел, как Жанну».[2] – «Ты, Господи, сказал: „Не мир пришел Я принести, но меч“. Дай же мне Твой меч, вооружи на войну! „Надо сражаться, чтоб Господь даровал нам победу“, – сказала Дева Жанна, невеста Твоя. Так же, как она, буду и я сражаться до конца жизни моей за Тебя, Иисус!»[3]

Вещий сон приснился ей, умирающей: будто бы не хватает солдат для какой-то великой войны. «Надо послать сестру Терезу», – говорит кто-то. «Лучше бы я хотела пойти на святую войну!» – отвечает она, но все не идет и на эту войну, грешную. «О, если бы мне в Крестовом походе сражаться!» – воскликнула, вспоминая тот сон, и, помолчав, заплакала: «Да неужели же я так и умру на постели?»[4]

Вещий сон исполнится с точностью: послана будет Тереза на войну, сначала самую грешную, а потом – на самую святую – в последний будущий Крестовый поход, вместе с Жанной: обе – Крестоносицы, именно в той стране, откуда начался первый Крестовый поход за три века до св. Жанны и за восемь веков до св. Терезы.

Кто спас Францию в первой, едва ее не погубившей войне XV века, знают все – Жанна; а кто спас ее во второй войне XX века, знают, может быть, только «маленькой Сестры Терезы, Девы Окопов», маленькие братья, солдаты Великой войны. Первые молитвы шептались ей там, в огне и крови; святости первым венцом увенчано «мира Дитя любимое» там, в миру. «Надо бы нам поторопиться, чтобы голос народов нас не предупредил», – говорили сановники Римской церкви, когда зашла речь о признании Терезы святой.[5] Но как ни торопились – не успели: голосом мира предупрежден был голос Церкви.

Первый певец Жанны, одна из первых жертв Великой войны, Шарль Пэги, писавший «Таинство любви Жанны д'Арк» в те самые дни (1898 г.), когда умирающей Терезе, будущей «святой Деве Окопов», снился вещий сон о войне, – не успел, но мог бы узнать, как никто, в этих двух святых, Жанне и Терезе, одну святую душу Франции.[6]

---

[2] Laudet. 134.

[3] Novissima Verba. Derniers entretiens de St.Thérèse. 1926. P. 211.

[4] Novissima Verba. 115.

[5] La Bienheureusc Thérèse de l'Enfant Jesus. Histoire d'une âme. 1923. P. 317. – Cardinal Vico: «il faut nous hâter de glorifier la petite Sainte, si nous ne voulons pas que la voix des peuples nous devance».

[6] Charles Péguy. Le Mystère de la charité de Jeanne d'Arc. Paris: Cahiers de la quinzaine, 1926.

IV

«Жанна, смерть твоя спасает Францию», – молится Тереза, живя и умирая в вещем сне. Францию не только спасла, но и спасает смерть Жанны.

Снова приди, спаси![7]

Кажется, теперь, в XX веке, спасение еще труднее и требует если не большей, то уже совсем другой, новой святости, чем тогда, в XV веке. Если бы Жанна пришла сейчас, то около нее началась бы, может быть, внутренняя война между самими французами, более жестокая, чем та, с англичанами, внешняя, от которой едва не погибла Франция.

В той войне французы прозвали англичан «Годонами», Godons, за вечную брань с хулой на имя Божие: «God damn», а также – «Хвостатыми», Couès, за то, что мучили они французов в их же собственной земле, как дьяволы в аду мучают грешников.[8] Чувство суеверного ужаса, которым внушены эти два прозвища, слишком понятно: нечто в самом деле небывалое за память христианского человечества происходило в этой войне-нашествии – убийство одного народа другим, в мертвом молчании всего христианского мира и Церкви.

«Люди с хвостами» кажутся нам нелепым вымыслом средних веков; но слишком памятен и нам ужас Великой войны – земного ада, где человек человеку был дьяволом, чтоб не задуматься, нет ли чего-то действительного в религиозном опыте христианства, олицетворяющем крайнее в человеке, нечеловеческое зло, в образе ада и дьявола.

Первое нашествие Годонов, Хвостатых, на Францию – только детская игра по сравнению со вторым нашествием – Великой войной. Кончилась как будто война, а на самом деле, может быть, продолжается, и кажущийся мир – только перемирие накануне второй войны, величайшей и последней, потому и воевать было бы некому в третьей.

Между старыми и новыми Годонами разница та, что нашествие тех было внешнее, а этих – внутреннее; те были чужие, а эти – свои; те были народом, а эти всемирны, или, говоря о гнусном деле гнусным словом, «интернациональны»; тех были десятки тысяч – горсточка, а этих – миллионы, и с каждым днем плодятся они и множатся так, что кажется иногда, что скоро совсем не будет цельных людей – французов, немцев, англичан, а все будут только на одну половину людьми, а на другую – «Годонами», «Хвостатыми».

[7] Stephen Coubé. Sainte Thérèse de France. 1928. P. 37. «Viens nous sauver pour la seconde fois!».

[8] Antoine Jean Victor Le Roux de Lincy, ed. Recueil de chants historiques français depuis le XII jusqu'au XVIII siecle. Paris: C. Gosselin, 1841. I. 300–301. – Charles Du Fresne Du Cange. Glossaire françois, faisant suite au Glossarium mediae et infimae latinitatis, avec additions de mots anciens extraits des glossaires de la Curne de Sainte-Palaye, Roquefort, Burguy, Diez, etc., et une notice sur Du Cange. Niort: Typ. de L. Favre, 1879. Au mot: Caudatus. – Jacobus de Varagine. La légende dorée; traduite du latin d'après les plus anciens manuscripts, avec une introduction, des notes, et un index alphabetique, par Teodor de Wyzewa. Paris: Perrin, 1923. La legende de S. Grégoire.

V

Вечная метафизическая сущность новых и старых Годонов одна – безбожие. Но старые – имя Божие хулят, потому что верят во что-то, а новым – и хулить нечего, потому что Бог для них ничто. Только тело народа убивали старые, а новые убивают и тело, и душу.

«Что же это такое, Господи! Неужели же из Франции будет изгнан король и все мы сделаемся англичанами?» – спрашивал с отчаянием и ужасом один француз в 1438 году тогда еще никому почти не известную крестьянскую девушку Жанну.[9] Если слово «король» заменить словом «дух» или «душа», а слово «англичане» – словом «Годоны», то в 1938 году француз, бывший участник Великой войны, мог бы спросить с таким же отчаянием и ужасом маленькую Терезу, «Деву Окопов»: «Что же это такое, Господи! Неужели же из Франции изгнана будет душа, убита и все мы сделаемся Годонами, Хвостатыми?»

«Я изгоню чужеземцев из Франции!» Кто это говорит – св. Жанна в XV веке? Нет, св. Тереза в XIX, когда ни о каких «чужеземцах» во Франции никто и не думает.[10] Старых Годонов соединяет она пророчески с новыми; знает, что губителями Франции, «Безбожниками», Годонами могут быть не только чужие, но и свои.

> Желчью меня напоили дети мои:
> Бог для них – ничто, —

говорит устами Терезы в молитве к Жанне Франция».[11]

Старые Годоны честнее новых. Те говорят: «Война» – и что́ говорят, то делают; «мир», – говорят эти и готовят вторую всемирную войну.

Видимы те, эти незримы. Очень трудно их узнать, а обличить невозможно. Кто посмел бы им сказать в лицо: «Хвостатые», – того засмеяли бы. Только те из Годонов, кто поглупее, все еще прячут «хвосты» под одежду, а умные давно уже поняли, что незачем невидимого прятать, потому что сам Отец лжи спрятал их в свое небытие, переместил из нашей геометрии, земной, в свою, неземную, и только изредка, чтобы подразнить сходящих с ума от ужаса, высовывает кончик хвоста из того мира в этот, как черт Ивана Карамазова. – «Донага раздень его и, наверное, отыщешь хвост, длинный, гладкий, как у датской собаки»… Нет, ничего не отыщешь, кроме голой спины. «Ты не сам по себе, ты – ***я***… и ничего более!» – «По азарту, с каким ты меня отвергаешь, я убеждаюсь, что ты все-таки веришь в меня!»[12]

В том-то и сила Отца лжи, что его ***как будто нет***; что он, по слову Августина, «есть, не есть», est non est. Нынче и добрые католики в него не очень верят. Ходит, гадит между людьми невидимый; ложью подтачивает истину – то, что есть, – тем, чего нет.

---

[9] Jules Etienne Joseph Quicherat. Procés de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite La Pucelle. Paris: J. Renouard et cie, 1841–1849. II. 436.

[10] Novissima Verba. 211. – «Je chasserai 1'etranger du royaume…».

[11] Laudet. 182:…Mes enfants m'abreuvent de douleurs:Dieu m'est rien pour eux…

[12] Достоевский. Братья Карамазовы. XI. – Черт. Кошмар Ивана Федоровича.

VI

Что такое наших дней Годоны, лучше всего можно судить по Анатолю Франсу в книге его: «Жизнь Жанны д'Арк», написанной в те самые дни, когда писал и Шарль Пэги «Таинство любви Жанны д'Арк» и когда умирающей св. Терезе, будущей «Деве Окопов», снился вещий сон о Великой войне.

Франс – такой же чистейший француз, как Рабле и Вольтер, но вместе с тем и Годон чистейший – в родной земле чужеземец, уже коммунистам, а значит, и Второму и Третьему Интернационалу сочувствующий, мнимо или подлинно – это несущественно для Франса, потому что все в нем мнимо-подлинно: «есть, как бы не есть».

Древних сатиров и фавнов недаром любит он с родственной нежностью: он и сам, как они, двуестественен – полубог, полузверь; в верхней половине тела – француз, человек; в нижней – Годон, Хвостатый.

Надо отдать справедливость гению Франса: первый понял он чудо годоновской незримости, первый обнажился перед всем миром с таким же невинным бесстыдством, как делывал это (о чем рассказывает сам) перед нимфами Булонского леса, где проходившие мимо лесные сторожа, узнавая в нем Академика, Бессмертного, скромно потупляли глаза. То же делает он и в книге о Жанне д'Арк: так же перед Святою Девою обнажается, как перед теми лесными, грешными девами.

VII

«Мнимое безумие Жанны разумнее всей нашей мудрости, потому что это – безумие мучеников – то, без чего люди никогда не создавали ничего великого… Все государства, империи, республики строятся только на жертвах».[13] Это значит: «святая Дева Жанна – святая жертва за Францию». Так говорит человек, француз, а вот что говорит Годон, Хвостатый: «Вечные галлюцинации делали ее неспособной различать истину от лжи».[14] Вечная ложь – «самообман» – одно из ее главных свойств.[15] Все откровения Жанны – «вымысел некий», fictio quaedam, – соглашаются с Франсом, Годовом XIX века, судьи Жанны, отцы Святейшей Инквизиции, Годоны XV века. «Все посланничество Жанны – лишь гордая, пагубная и богохульная ложь».[16] – «Вовсе не Жанна выгнала англичан из Франции; она скорее замедлила освобождение… Все поражения англичан объясняются очень естественно», – заключает Франс.[17]

Более стыдлив и осторожен знаменитый врач душевных болезней Жорж Дюма, ставящий в своем ответе Франсу диагноз о «клиническом случае» Жанны: «Если у нее и была истерия, то для того только, чтобы сокровеннейшие чувства ее могли воплотиться в небесных виденьях и голосах… как бы открытая дверь, через которую входит в жизнь ее нечто божественное ***или то, что она считала божественным***, – вот что такое истерия Жанны».[18] В этом-то «или» – весь вопрос; здесь и проходит черта, отделяющая ложь от истины, – то, что «есть, как бы не есть», от того, что действительно есть. Надо сделать выбор между тем и этим. Слишком осторожный ученый Дюма выбора не делает, но за него делает Франс. Книгу свою о Жанне д'Арк кончает он явлением Жанны Ла Ферон, самозванки, второй Девы, более будто бы «святой», чем первая. Эта вторая Жанна, явившаяся в 1449 году, в 1456 году оказывается, к радости всех Годонов, тогдашних и нынешних, в том числе и Франса, наложницей монаха-расстриги, содержательницей дома терпимости, «распутною девкою».

«Дева-Девка», Pucelle-Putain, – звучит и в смехе Вольтера, как в брани английских ратных людей, Годонов, с Орлеанских окопов. Но и Вольтер двуестественен так же, как Франс. «Девка», – говорит Годон, Хвостатый; «мученица», – говорит человек, француз. «Жанну сожгли на костре, но она имела бы жертвенник в те героические дни, когда люди ставили своим освободителям жертвенники».[19] Надо было бы опять сделать выбор между тем и этим. Но Вольтер его не делает; за него сделает Франс.

---

[13] Anatole France. Vie de Jeanne d'Arc. Paris: Calman Lévy, 1908–1909. Vol. I. P. LXV.

[14] France. I. P. III.

[15] France. I. P. LXY.

[16] Procès. I. 431, 438.

[17] France. I. P. XLIX.

[18] France. II. 465.

[19] Voltaire. Essai sur les moeurs. LXXX.

VIII

«Только одно гнуснее, чем суд над Жанной в 1431 году, – ее оправдание в 1456 году», – скажет не Годон, а француз наших дней.[20] Можно бы прибавить: все почти «оправдания» – не только XV, но и следующих веков гнуснее, чем осуждения. «Вы говорите, что вы – судьи мои; но берегитесь, как бы ваш суд не оказался неправедным, потому что я воистину Божия посланница», – говорит Жанна судьям XV века; то же могла бы сказать она и судьям будущих веков.[21] «Я себе кажусь Жанной д'Арк на суде», – скажет св. Тереза Лизьёская: участь обеих и в этом одна.[22]

Старые Годоны честнее новых: те Жанну просто сожгли, а эти ставят ей плохенькие памятники, чугунные куклы, осеняют их в день ее годовщин самыми унылыми тряпками трех самых полинялых в мире цветов – Свободы, Равенства, Братства – и до следующего года сваливают вместе с прочим казенным хламом в полицейские участки Третьей Республики.

[20] J. Bainville. Marie Loise Amiet. La condamnation de Jeanne d'Arc vue à la lumière des grands événements du moyen-âge. Paris: Nouvelle éditions du siècle [1934].

[21] Procès. I. 62, 154.

[22] Novissima Verba. 87. – «On me harcèle de questions; cela me fait penser à Jeanne d'Arc devant son tribunal».

IX

Но самое, может быть, страшное – то, что Жанну судит и Церковь так же надвое, как мир: то осуждает, то оправдывает, и второе хуже первого.

«Было ли дело ее Божеским или только человеческим, я не могу решить, – скажет в 1463 году, через семь лет после оправдания Жанны, знаменитый гуманист Эней Сильвий Пикколомини, будущий папа Пий II. – Некоторые думают, что люди, стоявшие тогда во главе Франции, разделившись вследствие победы врага и не желая подчиняться никому из своих, прибегли к военной хитрости, чтобы остановить успехи англичан, полагая, что небесное посланничество Девы будет полезно для власти… ибо кто из людей дерзнул бы воле Божьей противиться? – решили они поставить Жанну во главе военных сил».[23]

«Жанна была во всем удивления достойна, – скажет св. Антонин Флорентийский, почти современник Жанны, – но какой в ней действовал Дух – неизвестно. Думали, однако, что ***скорее*** Дух Святой».[24] Думали, но не знали наверное, Святой Дух или Нечистый. Если этого не знают святые, то грешные люди тем более. «Имя Девы было столь велико и прославлено, что никто не смел ее судить ни в добре, ни во зле», – вспоминает летописец тех дней.[25] И «Мещанин Парижский» тех же дней: «Это было существо под видом женщины, которое называли „Девою“, а чем оно было на самом деле, Бог знает».[26]

Брат Ришар, францисканский монах, будущий духовник Жанны, при первой с нею встрече заклинает ее и кропит святой водой издали, чтобы узнать, от кого она – от Бога или от дьявола.[27]

Этого никто не знает ни в миру, ни в Церкви, «какой в ней действовал Дух» – Святой или Нечистый; чтó «входило через нее в жизнь» – действительно ли «нечто божественное или то, что она только считала божественным» – этого никто не может решить – ни папа-гуманист Пий II, ни св. Антонин в XV веке, ни знаменитый врач душевных болезней в XIX веке.

Только очень простые люди это решили раз и навсегда: «Жанна – величайшая после Богоматери Святая».[28] Легенды о ней распространяются по Италии, Фландрии, Германии – по всей Европе.[29]

Ее почли Святою
За добрые дела…
Потом сожгли в Руане,
Но слух прошел в народе,
Что будет вновь жива, —

---

[23] Procès. IV. 518. – Gabriel Hanotaux. Jeanne d'Arc [Paris]: Hachette et cie, 1911. P. 122–123.

[24] Procès. IV. 506. – Hanotaux. 123.

[25] Georges Chastellain. Chronique des ducs de Bourgogne. Paris: Verdière, 1827. – Louis Petit de Julleville. Sainte Jeanne d'Arc. Paris: J. Gabalda et fils, 1928. P. 86.

[26] Journal d'un bourgeois de Paris, ap. Jules Michelet. Jeanne d'Arc. Paris: Calman Lévy, [1856]. 212. – «…Une créature qui était en forme de femme… qu'on nommait la „Pucelle“. Que c'estait? Dieu le sait».

[27] Procès. I. 100. – Guillaume Gruel. Chronique du comte de Richemont. Paris, 1838. P. 71. – Eberhard Windecke. Chronique. 178–179.

[28] Pierre Lanéry d'Arc. Le culte de Jeanne d'Arc au XVe siècle. Orleans: Herluison, 1887. – Auguste Valllet de Virville. Note sur deux médailles de plomb relatives à Jeanne d'Arc. Paris: Bureaux de la «Revue archeologique», 1861.

[29] Chronique d'Antonio Morosini; extraits relatifs à 1'histoire de France, pub. pour la Société de 1'histoire de France, introduction et commentaire par Germain Lefèvre-Pontalis, texte établi et traduit par Léon Dorez. Paris: Librairie Renouard H. Laurens succ., 1898–1902. – France. I. 543.

воскреснет, как Христос воскрес.[30]

Это знают очень простые, малые люди в миру и только два великих человека в Церкви: целестинский монах Жерсон и архиепископ Эмбренский Жак Жэлю.[31] Но от подозрительного по «ереси» Жерсона так же пахнет дымом костра, как от самой Жанны, а голос архиепископа Эмбренского прозвучит и умолкнет в мертвом молчании Церкви: «Чтобы посрамить всех, кто верит в Бога так, как бы не верит, угодно было… Царю царствующих и Господу господствующих помочь королю Франции… через воспитанную в навозе девочку».[32] Голос этот, хотя и никем тогда не услышанный, – единственный вечный голос уже не Римской, а Вселенской Церкви.

[30] Georges Chastellain. Vigiles de Charles VII. 1724. P. 120:Sainte fut adoréePar les oevres que fit…Arse à Rouen en cendre,Donnant depuis entendreSon revivre autrefois.

[31] Anne Louise Masson. Jean Gerson, sa vie, son temps, ses oeuvres; précédé d'une introduction sur le moyen âge. Lyon: E. Vitte, 1894. – Auguste Vallet de Virville. Histoire de Charles VII, roi de France, et de son epoque. 1403–1461 Paris: Vve J. Renouard, 1862–1865. Vol. II. P. 94. – Archevêque d'Embrun, Jacues Gelu.

[32] Procès. III. 395, 410.

X

«Жанна предана была огню… врагами Святейшего Престола», – сказано будет римскими судьями Жанны в 1909 году о судьях 1431 года.[33] Бóльшую несправедливость трудно себе и представить: вовсе не врагами Святейшего Престола судится Жанна в XV веке так же, как в XX, а самим же Святейшим Престолом, потому что нет никакого сомнения в том, что суд над нею по Римскому церковному законодательству правилен. Жанну судил и тогда не кто иной, как Римский Первосвященник в лице своего полномочного на суде представителя, Инквизитора Франции.[34]

Жанна предана была огню за «ересь»; главная же ересь ее – в том, что она «непослушна» Римской Церкви, земной, Воинствующей: «Я пришла от Бога, от св. Марии Девы и от всех Святых – от Церкви Торжествующей. Только ей одной я была и буду послушна во всем, что делала и делаю».[35]

«Церкви земной и никакому на земле человеку ты не подчиняешься, а одному только Богу», – сказано будет и в смертном приговоре над Жанной.[36] «Церкви Воинствующей отказалась она подчиниться, вопреки Символу веры: „во единую Вселенскую (Католическую), Unam Sanctam Catholicam“, – говоря, что между нею, Жанной, и Богом не может быть никакого посредника, и признавая над собою не суд Церкви, а суд Божий».[37] – «Жанна не верила ни прелатам, ни папе и никому в мире, говоря, что это (Голоса и видения) имеет от самого Бога».[38] – «Это я не от людей узнала, это мне сам Бог открыл», – могла бы сказать и Жанна вместе с Франциском Ассизским.

> Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей… благоволил открыть во мне Сына Своего… я не стал советоваться с плотью и кровью (человеческой) и не пошел в Иерусалим., к Апостолам (в Церковь), —

могла бы Жанна сказать и вместе с Павлом (Гал. 1, 16–17).

> «Я не поверил бы и самому Евангелию (Христу), если бы меня не побуждала к тому власть Церкви», —

этого Жанна не могла бы сказать вместе с Августином, потому что Церковь для нее – от Христа, а не Христос – от Церкви.[39]

«Церкви я подчиняюсь, но ***Богу послуживши первому***».[40] Больше, чем Преобразование Церкви, Реформация в этих трех словах: «Богу послуживши первому» – в них Переворот, Революция. Это верно понял главный судья Жанны, епископ Бовезский Пьер Кошом. «Дело идет о том, чтобы сохранить целость святой католической веры, – пишет он главному инквизитору Франции Жану Граверену. – Истине дать воссиять может только Святейшая

---

[33] Petit de Julleville. 206. – Decret de beatification et canonisation de Jeanne d'Arc: «…ayant été livrée au feu du bucher par les hommes, qui étaient surtout les ennemis du Saint-Siège».

[34] Amiet. 66.

[35] Procès. I. 174, 176.

[36] Procès. I. 430, 437. – Première sentence. Article XII.

[37] Amiet. 158. – Première sentence. LXI. – «Qu'elle était à Dieu sans intermediaire… S'en reférant a Lui… et non au jugement de l'Eglise».

[38] Michelet. 247. – «Non credabat nec praelato, nec papae, nec cuiumque, quia hoc habebat a Deo».

[39] August. Contra Epist. Fundamenti. VI. – «Ego vero Evangelio non crederem, nisi me Catholicae Ecclesiae commoverat auctoritas».

[40] Hanotaux. 306. – «Ne vous croyez-vous donc pas soumise à l'Eglise de Dieu qui est sur la terre?..». – «Oui, je m'y crois soumise, mais Dieu premier servi»

Инквизиция».[41] Так же верно понял и Парижский университет, сообщая папе: «Жанна отказалась подчиниться какой бы то ни было власти духовной, даже самой высшей (папе)»; но «с помощью Божьей осуждена та, чьим ядом отравлен был почти весь христианский мир».[42]

Вот почему на трех концах мира вспыхнули почти одновременно три костра – Виклеффа, Яна Гуса и Жанны.

[41] Amiet. 67. – Evêque de Beauvais, Pierre Cauchon. – Jean Graverend.

[42] Procès. I. 409.

XI

«Жанна, во что вы верите больше, в ваши Голоса или в Церковь?» – так или почти так поставлен был вопрос на суде с неотразимою ясностью. «Верю в мои Голоса больше, чем в Церковь», – ответила Жанна с такою же ясностью.

«Если бы Церковь… объявила вам, что откровения ваши от дьявола, послушались бы вы Церкви?» – «Нет, я послушалась бы Господа нашего Иисуса Христа, чью волю я всегда исполняла». – «А если бы Церковь приказала вам сделать не то, что вы считаете волей Христа?» – «Я послушалась бы все-таки Христа».[43]

«Так говорят все ложные пророки (еретики); но если это допустить, то вся власть Церкви будет ниспровергнута… ибо не покоряться людям Церкви – значит восставать на Бога», – решают судьи Жанны, ***по совести***, потому что этих слов ее в самом деле достаточно, чтобы поколебать всю власть Римской Церкви.[44]

Это верно понял и Шарль Пэги: «Что же делать? Жанна предпочитала Архангела Михаила аббату Константину… В ней всего удивительнее то, что она никогда никого не слушалась и шла всегда своим путем мимо всего».[45] Шла и мимо Римской церкви, ко Христу.

Жанна умерла, потому что не было Церкви Вселенской и для того, чтобы она была.

«Нынешняя (Римская) Церковь Петра – только тень будущей (Вселенской) Церкви Иоанна», – учит св. Августин в V веке и Скот Эриген в IX: «Видимость Церкви настоящей, Сына, рассеется, как тень, в восходящем солнце будущей Церкви Духа Святого».[46] – «Дни Римской Церкви сочтены… Церковь Иоанна, Вселенская, воздвигнута будет на развалинах старой церкви Петра», – учит Иоахим Флорский, в XIII веке.[47]

То, чему учат, о чем говорят они все, – сделает Жанна: выйдет из Церкви Западной, Римской, бывшей, чтобы войти в будущую Вселенскую Церковь.

---

[43] Amiet. 162. «Je m'en rapporterais… à notre Sire».

[44] Amiet. 158, 198.

[45] Jerôme et Jean Tharaud. Notre cher Péguy. Paris: Plon-Nourry et cie, 1926. II. 144. – «Elle a toujours passé outre».

[46] August. De civitate Dei. XX, XXII. – In Johan. Evang. Tractat. XXVI. 124. – Émile Gebhart. L'ltalie mystique; histoire de la renaissance religieuse au moyen âge. Paris: Hachette et cie, 1890. P. 59.

[47] Joach. Florens. Exposit. in Apocalyps. Fol. 83.

XII

В первый год Великой войны, 1914-й, поднято было в Риме снова, после многих колебаний и отсрочек дело о признании Жанны святой. Но дело это оказалось труднее, чем думали. Прежде, чем объявить Жанну святой, надо было ее оправдать, очистить память ее от обвинения в злейшей ереси – в непослушании Римской Церкви, а сделать это было не так-то легко, потому что обвинение казалось канонически правильным и потому что судьи Жанны в 1431 году, в лице полномочного инквизитора Франции, были те же римские судьи, что и в 1914 году. «Римом сказано – дело кончено». Roma locuta, causa finita: сказано в XV веке, кончено в XX веке. «Дело Жанны да будет отложено, causa reponatur», – решает или не может решить папа Пий X так же точно, как за пять веков до него Пий II: «Было ли дело ее Божеским или только человеческим, не могу решить».[48]

Дело Жанны казалось навсегда отложенным. Но во время Великой войны солдаты в окопах, те бесчисленные «маленькие души», о которых говорила св. Тереза Лизьёская: «тем же путем войдут и они, как я», – просили папу объявить Терезу святою так настойчиво, что отказать им было невозможно.[49] В сонм Святых вошла Тереза, а вместе с нею, второю «Девой Окопов», вошла и первая – Жанна.

Но все еще нехотя, как бы вопреки себе, приняла ее Церковь: приобщила к сонму Святых Дев, но не Мучениц.[50] Это значит: Жанна свято жила, но как умерла, кем и за что предана огню – неизвестно. Церковь как бы проходит мимо костра ее, закрывая на него глаза, остерегаемая чьим-то голосом: «этого тебе не нужно видеть».

«Горе нам. Мы сожгли Святую», – этого Римская Церковь не скажет, как английские палачи говорили у костра Жанны.[51] «Все мы согрешили, воистину, все» – не скажет и этого Римская Церковь о Жанне, как сказал один из пап о Лютере.[52]

«Страсти Дочери Божьей» на Огненном Кресте совершились тогда и все еще совершаются. Но кто кем осужден, св. Жанна Римскою Церковью или Церковь Жанною, – в этом, конечно, весь вопрос.

---

[48] Coubé. 37.

[49] La Bienheureuse Thérèse de l'Enfant Jèsus. Histoire d'une âme 295, 317.

[50] Amiet. 282.

[51] Michelet. 287.

[52] Hanotaux. 244.

XIII

Странно и удивительно чередуются в Жанне то глубочайшая скрытность и замкнутость, то детская доверчивость. Кажется, именно так, детски доверчиво говорит Жанна в 1429 году капитану Роберу Бодрикуру, военному начальнику соседнего с ее родным селением городка Вокулёра, откуда суждено ей было отправиться к дофину Карлу VII для спасения Франции.

– Когда я исполню это великое, назначенное мне от Господа дело, то выйду замуж, и родится у меня три сына: первый будет папой, второй – императором, а третий – королем Франции…

– Если будут у тебя такие сыновья, я бы хотел быть отцом одного из них! – шутит капитан Бодрикур.

– Ни-ни, благородный Робер, этого не будет, – отвечает Жанна. – Три эти Сына родятся у меня от Духа Святого![53]

Что такое этот разговор? Голый вымысел? Едва ли. Как могло бы прийти в голову капитану Бодрикуру, покровителю Жанны, сочинить такой разговор, да еще донести о нем злейшим врагам ее, судьям-инквизиторам, вспоминающим его на суде потому, конечно, что одного этого разговора достаточно, чтобы осудить ее за неслыханное кощунство и ересь.[54] Нет, если это отчасти и вымысел, то все-таки слышится в нем что-то слишком особенное – личное, ни на кого, кроме Жанны, не похожее, чтобы все могло быть ***только*** вымыслом. Что именно говорила Жанна, мы никогда не узнаем, но очень вероятно, что она могла говорить или, по крайней мере, думать нечто подобное.

Главное и самое удивительное, неимоверное, в этих словах Жанны – рождение трех ее Сыновей «от Духа Святого».

Вспомним согласно повторяющееся в веках от Августина в «Граде Божием» до Иоахима Флорского в «Вечном Евангелии», то видимое, то невидимое, тайное, как течение подземной реки, учение о Трех Заветах.

Только два Лица Божия – Сын и Отец – увидены христианством во временном, историческом, известном нам Евангелии, а в неизвестном, Апокалипсическом, Вечном, – увидены будут все три Лица – Отец, Сын и Дух. «В первом Завете – Отца – звездный свет, ночной; во втором Завете – Сына – свет утренний, сумеречный; в третьем Завете – Духа – дневной, солнечный». – «В первом – Закон, во втором – Любовь, в третьем – Свобода».[55]

Именно здесь, в откровении Духа – в Свободе, Жанна, может быть, ближе всех святых к духовному сыну Иоахима, св. Франциску Ассизскому.

«Вот когда я наконец могу сказать ***свободно***: не отец мой Пьетро Бернардоне, а Господь, Небесный мой Отец!» – первое слово Франциска в самом начале служения, а последнее – в самом конце: «Господи, благодарю Тебя за то, что Ты дал мне умереть ***свободным*** от всего».[56] – «Только Он один (Христос) может меня ***освободить***!» – последнее слово Жанны.[57]

---

[53] Procès. I. 219–220. – Robert de Baudricourt, capitaine de Vaucouleurs. – «Une fois accomplies les grandes choses j'ai à faire de la part de Messire, je me marierai et j'aurai trois fils, dont le premier sera pape, le seconde empereur, le troisième roi». – «Piusqu'ils seront si grands personnages, je voudrais t'en faire un». – «Nenni, gentil Robert, nenni! Il n'est pas temps: le Saint-Esprit y ouvrera».

[54] Amiet. 141.

[55] Joach. Florens. Expositio in Apocalyps, ed. Venezia, 1527. Fol. 94, verse. – Concord. Vet. et. Nov. Testam. Lib. V. – Fournier. 8. – Renan. Nouvelles études historique. 286.

[56] Celano. V. S. II. 163.

[57] Procès. I. 483. – …»Celui-là seul qui me peut délivrer».

Огненный Крест ее – крещение Духом Святым и Огнем, вхождение в «третье состояние мира, в Духе, огненное», status igneus, по Иоахиму Флорскому.[58]

> Я крещу вас в воде… Но Идущий за мною сильнее меня… Он будет крестить вас Духом Святым и Огнем (Мт. 3, 11).

«Дух – Свобода – Огонь»: в этом религиозном опыте уже почти геометрически для нас очевидно, Иоахим, Франциск и Жанна стоят на какой-то последней между двумя Заветами черте: между «вторым состоянием мира, водным», в Сыне, и «третьим, огненным», в Духе; на какой-то соединяющей их точке – последней Второго Завета и первой Третьего.

[58] Joach. Florens. Concord. V. 84.

XIV

– Это королевство, Франция, по-настоящему не принадлежит дофину. Но Мессир хочет, чтоб дофин был королем и получил от Него королевство ***во временное владение***, – говорит Жанна капитану Бодрикуру, может быть, после того удивительного разговора о «трех сыновьях ее от Духа Святого».

– Кто этот Мессир? – спрашивает ее Бодрикур.

– Царь Небесный, – отвечает Жанна.[59]

«Жанна попросила однажды короля сделать ей подарок и, когда тот согласился, потребовала у него королевства Франции. Очень удивился король, но не захотел отречься от своего обещания. Тут же составлена была торжественно четырьмя королевскими нотариусами дарственная запись, и, когда король заслушал ее, Жанна, указывая на него присутствующим, сказала: „Вот сейчас беднейший рыцарь во всем королевстве Франции!“ И немного погодя такой же дарственной записью передала полученное в дар королевство Богу, а от Бога – опять королю».[60]

Что значит эта притча в действии? Кажется, лучше всего поняла ее св. Тереза Лизьёская: «Я изгоню чужеземцев из Франции так же, как это сделала Жанна д'Арк, и так же ***провозглашу Иисуса Царем***».[61] Это значит: Франция да будет царством Божиим, «на земле, как на небе»; «всю мою вечность на небе я буду делать добро на земле».

В Ветхом Завете Отца – иудействе – царство Божие исполняется только на земле; в Новом Завете Сына – христианстве – только на небе; а в будущем Завете Духа – на земле, как на небе. Вечная молитва Сына в Духе: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» – и есть «Вечное Евангелие Духа Святого», Evangelium Aeternum Spiritus Sancti,[62] по Иоахиму Флорскому.

Вот что значит: будет у Жанны три сына от Духа Святого. Первый сын ее, папа, поведет людей к царству Божию в Отце, только на небе; второй сын, император, поведет их к царству Божию в Сыне, только на земле; а третий сын, король Франции, поведет их к царству Божию в Духе, на земле, как на небе.

Вот почему молится Жанна за Францию здесь еще, на земле, и будет молиться на небе: «Господи… дай королю Франции вместе с народом его… прийти к Тебе, ибо Ты – путь, истина и жизнь».[63]

---

[59] Procès. II. 456. – «De fait, le royaume n'appartient pas au dauphin. Mais Messire veut que le dauphin soit fait roi et qu'il ait le royaume en commande…». – «Qui est Messire?». – «Le Roi du Ciel».

[60] Procès. III. 91; IV. 140, 486. – Léopold Victor Delisle. Nouveau témoignage relatif à la mission de Jeanne d'Arc. Paris: H. Champion, 1885. P. 649. – Germain Lefèvre-Pontalis. Les sources allemandes de 1'histoire des Jeanne d'Arc. Eberhard Windecke. Paris: A. Fontemoing, 1903. P. 52–53.

[61] Novissima Verba. 87. – Laudet. 134.

[62] Joach. Florens. Concord. Ed. Lable. Vol. XI. Part. 2. Col. 2361–2362.

[63] Procès. V. 104. —Lanéry d'Arc.

XV

Царством Божьим будет сначала Франция, а потом и вся Европа – весь христианский мир, потому что дело Жанны не только народно, «национально», как мы говорим, но и всемирно; дело это не в римском, а в вечном смысле, «католическое», «вселенское», вопреки Бонапарту: «Жанна д'Арк доказала, что нет такого чуда, которого не мог бы совершить гений Франции, когда ***национальная*** независимость ее угрожаема».[64] Нет, если бы чудо Жанны было только «национальным», а не всемирным, то оно не спасло бы и Франции.

«Я иду на войну за вечный мир», – могла бы сказать и Жанна вместе с первым певцом своим Шарлем Пэги.[65] «Мне меча не нужно: я не хочу убивать никого, – мог бы сказать и Пэги вместе с Жанной.[66] «Я никогда не могла видеть, как льется французская кровь, без того, чтобы волосы у меня на голове не вставали дыбом от ужаса».[67] Так же видеть не может, как льется и английская кровь; так же плачет над убитыми англичанами, как над французами.

[64] Moniteur. 10 Pluviose, au XI – 30 Janvier 1803. – France. I. P. LXIV.

[65] Tharaud. II. 244. – «Je pars soldat pour le desarmement général et la dernière des guerre».

[66] Michelet. 187. – «Nolebat uti enso suo, nec volebat quemquam interficere». – Procès. I. 78. – «Onques n'ai tue personne».

[67] Procès. III. 212–213.

XVI

«Идучи однажды во Францию, св. Франциск с братом Массео собирали в одном селении милостыню. И когда дошли до какой-то церкви, то Франциск, войдя в нее и укрывшись за жертвенник, начал молиться и в некоем видении божественном так воспламенился жаждой святой нищеты, что, выйдя к брату Массео, весь пламенел в огне любви, и лицо его казалось огненным, и пламя как будто исходило из уст его».[68]

Это «пламенение» Франциска Духом Святым – приближение к тому, что в Иоахимовом религиозном опыте предчувствуется как «третье состояние мира, огненное», – происходит, может быть, не случайно во Франции, будущей родине Жанны, потому что и духовная родина Франциска – «Французика» (таков смысл этого имени-прозвища) – тоже Франция: здесь начинает он любить свою «Прекрасную Даму, Бедность», как провансальский трубадур, «скоморох Божий», joculator Domini. Первые песни будет Ей петь в «восхищении», «экстазе», raptus, не на родном итальянском, а на всемирном для него, французском языке. Первые легенды о Жанне распространят не только по Франции, но и по всей Европе «Нищие Братья» св. Франциска, и оба круга легенд о нем и о ней сплетаются в один венок.[69] Птицы, клюющие зерно из рук семилетней девочки Жанны, – сродни тем, которым проповедывал Франциск; волки, которых не боятся овцы пастушки Жанны, – сродни губбийскому волку Франциска.[70]

Брат Ришар, ученик св. Бернардина Сиеннского, «меньший брат» св. Франциска, – духовник Жанны:[71] он-то, может быть, и внушает ей мысль о новом всемирном Крестовом походе, не для войны, а для обращения неверных. Эта последняя мысль Франциска – первая мысль Жанны: в первом же походе из Блуа в Орлеан, только что начиная спасение Франции, предлагает она англичанам соединиться с французами в общем Крестовом походе, чтобы «совершить прекраснейшее из всех когда-либо в христианстве совершенных дел».[72]

Это – в начале, а в конце: Англия, Франция, Италия – все христианские народы, «обратившись ко Христу и покаявшись, облекутся в одежды Нищих Братьев и заключат между собою вечный мир», – «да будет царство Божие на земле, как на небе».[73]

---

[68] Fioretti. XIII.

[69] Morosini. III. 78.

[70] Procès. V. 115, 121. – Journal d'un bourgeois de Paris. 237.

[71] Wadding. V. 130.

[72] Procès. III. 74; IV. 139. – «…Feront le plus bel fait que onques fut fait pour la Chrestienté».

[73] Morosini. III. 64–65.

XVII

Может быть, и Жанна сама принадлежала к Третьему Братству св. Франциска, Tertius Ordo, – к «Третьему Царству Духа».

Слышится, может быть, во всех «Голосах», откровениях Жанны один голос Духа.

> Голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит (Ио. 3, 8).

Этого не знает ни Франциск, ни Жанна; знает, может быть, только один человек на земле – Иоахим.

> Дух Святой, прииди!
> Veni Creator Spiritus, —

с этим гимном Иоахима выступит и Жанна в первый поход свой, для спасения Франции.

«Жанну отвергнуть… значило бы ***Духу Святому противиться***», – решает королевский Совет в Пуатье после «испытания» Жанны.[74]

Голубь Духа Святого выткан на знамени ее вместе с именами Jhesus-Maria и с надписью «От Царя Небесного».[75]

Кто-то из англичан, злейших врагов Жанны, видит, как из пламени костра, на котором умирает она с последним воплем «Иисус!» – вылетает голубь Духа Святого.[76]

Огненный Крест с распятым на нем Серафимом в Альвернском видении Франциска и Огненный Крест – костер Жанны – два пророческих знамения «третьего состояния мира, огненного» – Царства Духа – Свободы. В Духе – Огне умирают Жанна и Франциск за освобождение мира.

Вот почему и в детской молитве св. Терезы Лизьёской Франция молится Жанне.

> Видишь, руки мои в цепях…
> Снова приди…
> Цепи мои разбей,
> Освободительница Жанна.[77]

---

[74] Procès. I. 78, 300. – «De par le Roi du Ciel».

[75] Procès. I. 78, 300. – «De par le Roi du Ciel».

[76] Procès. III. 186, 355. – Michelet. 286.

[77] Laudet. 182.

XVIII

Если крайнее насилие – война – есть начало всех рабств, то понятно, почему после Великой войны наступило великое рабство.

Много раз пытаясь освободиться в политических и социальных революциях, помимо или против Христа, и все больше и больше отчаиваясь в свободе, западноевропейское человечество все глубже и глубже впадало в метафизически-чудовищное извращение воли – тягчайшее, может быть, следствие «первородного греха» – то, когда воля к свободе становится в человечестве ***волею к рабству***, пока, наконец, после Великой войны в строящейся на месте Церкви абсолютной государственности наших дней, на всем ее протяжении от фашизма до коммунизма, от диктатуры кесарей до диктатуры пролетариата, эта воля к рабству усилилась так, как еще никогда за память человечества, ни даже в древних абсолютных монархиях Египта, Вавилона и Рима. Люди сами в цепи идут, жаждут рабства неутолимо: чем иго тяжелее, тем ниже и мягче гнутся шеи рабов, так что, наконец, самым мертвым и холодным из всех человеческих слов сделалось в наши дни самое живое, огненное слово Духа – Свобода.

XIX

Только в Великой войне могло родиться на месте бывшей России великое царство новых Годонов, поработителей. И только что оно родилось – потянулись к нему сердца всех обуянных волею к рабству народов, как уста жаждущих – к воде и голодных – к хлебу.

Самое непонятное и невозможное сейчас – не только для Франции, но и для всей Европы – то, чего хотела св. Жанна д'Арк, когда замышляла всемирный Крестовый поход для освобождения Святой Земли от ига неверных: «Мы совершим прекраснейшее из всех когда-либо в христианстве совершенных дел»; и то, чего хотела св. Тереза Лизьёская: «О, если бы мне в Крестовом походе сражаться!» Это дело, самое как будто сейчас невозможное для Европы и Франции, – может быть, единственное для них спасение.

О, если бы знала Франция, что ожидает ее под игом этих новых Годонов, всемирных завоевателей и поработителей! О, если бы знала она, о каком освобождении, от каких цепей молится Жанне Тереза:

Слушай, в ночи —
Франция плачет:
«Вспомни!
Снова приди и спаси меня, кроткая мученица Жанна!
Видишь, руки мои – в цепях…
Лицо закрыто, очи заплаканы,
И величие мое унижено…
Снова приди,
Цепи мои разбей,
Освободительница Жанна!»

II. Жизнь св. Жанны д'Арк

I

Главное для Жанны и самое действительное в жизни, – то, что называет она своими «Голосами», «Видениями». Если это «обман», то и все остальное в жизни ее тоже обман; но тогда непонятно, как эта семнадцатилетняя крестьянская девочка спасла не только Францию, но и всю Европу – весь христианский мир. А если это истина, то в Голосах ее – одно из величайших явлений Духа во всемирной истории. Чем-то в религиозном опыте Святых явление это может быть предсказано, но в самой истории – как будто ничем.

Так же как в те незапамятно древние дни, когда закалались человеческие жертвы волхвами, друидами, «Деве Рождающей», Virgo Paritura, – шепчутся, и в эти дни Жанны, дремучие дубы древнего Вогезского леса, откуда «выйдет Святая Дева»; так же водят свои хороводы, при месячном свете, под «Фейным деревом», «Лесные Госпожи»; так же, в зеленой тени плакучих ив и ольх, воды Мёзы льются, такие прозрачные, что виднеются сквозь них серебряно-голубые, с розовыми пятнами, форели и длинные, как русалочные волосы, травы; так же уныло поет пастушья свирель, над холмами, низкими и нежными, как девичьи груди, под небом невинно-лазурным, как девичий взгляд; так же тихо плачет утренний колокол, Ave Maria, и вечерний, Angelus. И так же человеческие краткие звуки, слабые шумы войны – зловещий набат, пушечный гул – не нарушают, а углубляют тишину земли и неба бесконечную.

В этой-то тишине и раздается тишайший, но сильнее громов небо и землю потрясающий голос Духа:

– Дочерь Божия, иди, иди! Я тебе помогу, – иди![78]

[78] Procès. III. 12.

II

Жанна родилась около 1410–1412 года, в глухом лорренском селении Домреми, у самой опушки Вогезского леса, от бедного поселянина-пахаря, владельца маленькой фермы, сельского старосты-дойена Жако д'Арк.[79]

Домик его, с выбеленными стенами, тусклыми, слюдяными оконцами и низко, почти до земли, нависшею кровлею, находился у самой церковной ограды, – только перейти кладбище.[80]

Мать Жанны, Изабелла «Ромея», Romée, «Римлянка» (прозвище паломниц, ходивших в Рим), была усердной поклонницей соседней Пью-Велейской Богоматери, «Черной Девы», привезенной будто бы во дни Крестовых походов св. Людовиком из Египта, а туда – из Вавилона, где пророк Иеремия выточил ее из сикоморового дерева, наподобие Пресвятой Девы Марии, виденной им уже в Духе.[81] В тех же местах, где, поклонялась мать Жанны Матери Божьей, эта «Черная Дева, но прекрасная», nigra, sed formosa – «Черная Мать-Земля», была почитаема древними кельтами-друидами под именем «Девы Рождающей». «Черную Землю-Мать, mêter gêmalaina, из Олимпийских божеств величайшее», призывал и Солон Законодатель в свидетельницы скрепляющих законы клятв.[82]

Всех детей твоих, Матерь,
Помилуй, спаси, защити! —

призывает ее и древневавилонская клинопись.[83] Bel-ti, одно из имен ее, значит «Госпожа моя». Ma-donna: имя – одно от Ассурбанипала до св. Франциска Ассизского и св. Жанны д'Арк; или еще более древнее, детское имя: Mami. С ним человечество проснулось; с ним же, может быть, и уснет последним сном.

«Семя Жены сотрет главу Змия», – сказано первому человеку, Адаму, и услышано первым человечеством. «Семя Жены» – Спаситель мира.[84] К Сыну от Матери – путь первого человечества. «Мать», – сказано оно Богу раньше, чем «Отец».

Матерь Моя – Дух Святой
hê mêter mou to hagion pneuma, —

это «незаписанное слово Господне», Agraphon, совпадает с евангельским словом в древнейших списках Луки:

Ты – Сын Мой возлюбленный;
Я днесь родил Тебя,
egô sêmeron gegenneka se, —

---

[79] Procès. I. 46; V. 116. Siméon Luce. Jeanne d'Arc à Domremy. Paris: H. Champion, 1886. P. 360. – Remi Boucher de Molandon. Jacques d'Arc, père de la Pucelle. 1885.

[80] Vallet de Virville. Histoire de Charles VII. II. 43.

[81] Francisque Mandet. Histoire du Velay. Le-Puy-en-Velay: M. P. Marchessou, 1862–1863. Vol. I. P. 570. – La Verge Noire de Puy-en-Velay. – Luce. XII.

[82] A. Dietrich. Mutter Erde. 1905. S. 37.

[83] Êdouard Paul Dhorme. La réligion Assyro-Babylonienne; conferences donnees a 1'Institut catholique de Paris. Paris: J. Gabalda, 1910. P. 260.

[84] Быт. 3, 15. – Franz Julius Delitzsch. Die Genesis. Leipzig: Dërffling und Franke, 1872. S. 148–150.

или по-арамейски, на родном языке Иисуса, где Rucha, «Дух», женского рода:

Я днесь родила Тебя.[85]

Если Дух есть Мать, то путь второго человечества, нашего, обратен пути первого: уже не от Матери к Сыну, а от Сына к Матери – Духу.

Вся религия Жанны – религия Духа – Матери.

[85] Origen. In Johan. II. 12, 6. – Resch. 216, 344–345. – Johannes Weiss. Das älteste Evangelium. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1903. S. 132–133.

III

Черный камень, бэтиль (что значит по-еврейски: «Дом Божий»), почитался с незапамятной древности и в Пью-Велейском святилище Черной Девы, Матери Божьей.[86]

«Смысл его темен», ratio in oscuro, – говорит Тацит о пафосском бэтиле, черном, гладком, конусообразном камне – аэролите, «подобном ристалищной мете», посвященном Афродите Урании.[87] Если бы Тацит вспомнил, что на таком же точно камне, привезенном из Пергама на Палатин в 205 году, во время нашествия Ганнибала, основано все величие Рима, он, может быть, понял бы кое-что в «темном смысле» бэтиля. Мог бы ему объяснить этот смысл и св. Климент Александрийский, посвященный, до своего обращения в христианство, в мистерии бога-богини, Кибелы-Аттиса: конус бэтиля – небесный знак земного пола. Эти черные, обугленные, небесным огнем опаленные, камни-аэролиты суть «семена Божьего сева».

В Библосе, Пафосе, Амафонте, Эдессе и других «священных городах», «иераполях», языческой древности, так же как в Пью-Велейском святилище Девы Марии, бог-богиня, Сын-Мать, заключены в одном бэтиле, «Мужеженском», arsênothelys.[88] Что это значит? Лучше всего отвечает на этот вопрос Гераклит: «Льнет природа не к подобному, а к противоположному и рождает из него некое созвучие, гармонию». – «Из взаимно противоположного (возникает) прекраснейшая гармония». – «Так сочетала природа мужское с женским и первичное установила согласие с помощью противоположностей». – «Все противоположности – в Боге».[89]

На тот же вопрос отвечает и «не записанное» в Евангелии слово Господне, Agraphon:

> Царство Божие наступит тогда, когда два будут одно… Мужское будет, как женское, и не будет ни мужского, ни женского.[90]

«Ты прекраснее сынов человеческих» (Пс. 45, 3). Чем же красота Его больше всех красот мира? Тем, что она ни мужская, ни женская, но «сочетание мужского и женского в прекраснейшую гармонию». Он в Ней, Она – в Нем; вечная Женственность в Мужественности вечной: Два – Одно.

Вот почему и на знамени Жанны, Отрока-Девы, два имени – одно: Jhesus-Maria.

Святость Жанны – одно из лучезарнейших явлений той, идущей от Иисуса Неизвестного к нам, «прекраснейшей гармонии», мужественно-женственной прелести, которая сияет на последней черте между двумя Царствами – Вторым, Сына, и Третьим, Духа.

---

[86] Étienne Médicis. Le livre De Podio; ou, Chroniques d'Étienne Médicis, bourgeois du Puy. Publiees au nom de la Société académique du Puy par Augustin Chassaing. Le-Puy-en-Velay: M. P. Marchessou, 1869–1874. Vol. I. P. 135. – Louis Alexandre Pascal. Bibliographie du Velay et de la Haute-Loire. Le-Puy-en-Velay: M. P. Marchessou, 1903. Vol. I. – Hanotaux. 52.

[87] Tacit. II. 3, 19.

[88] Ch. Villay. Les cultes et les fêtes d'Adonis-Thammouz. 1904. P. 58. – Hugues Vincent. Canaan. Paris: V. Lecoffre, J. Gabalda, 1914. P. 127.

[89] Heracl. Fragm. 8, 10, 67, 31.

[90] Clement. Roman. II. 12, 2. – Resch. 93.

IV

В детстве Жанна пасла овец и занималась домашним хозяйством, особенно шитьем и пряжей, будучи в них великой мастерицей. «Шить и прясть я умею не хуже руанских женщин», – будет простодушно хвастать на суде.[91]

Матернин подарок, бедное латунное колечко с тем же именем, как потом на знамени: ***Иисус-Мария***; красная, вся в заплатах, домотканой шерсти, юбка, да в чердачной светелке несколько едва покрытых войлоком, вместо постели, досок – все имущество Жанны; а пища – кусок черного хлеба с белым кислым вином или ключевой водой.[92] Но и это все отдает она нищим странникам (их на всех больших дорогах великое множество, по причине долгой и лютой войны). Свято лишь одно колечко хранит. О, с какою, должно быть, пронзительно-сладостной, целомудренно-страстною негою целует на нем потихоньку то чудное, страшное, двойное имя: ***Иисус-Мария***!

Грамоты не знает; никогда ей не училась и не научится. «Я ни А, ни В не знаю», – скажет на суде, тоже как будто хвастая.[93] В книгах ничему не научилась – ни даже в Евангелии, писаном, «временном»; но в сердце ее – неписаное «Вечное Евангелие».

Чем кончает Франциск Ассизский – «наготой, нищетой совершенною» – тем начинает Жанна. «Блаженные нищие» – оба по-разному: тем же будет и золотая парча, чем было бедное рубище для Жанны, но не для Франциска; в этом она сильнее, чем он.

[91] Procès. I. 66, 51. – «Pour filer et coudre je ne crains femme de Rouen».

[92] France. I. 7.

[93] Procès. III. 74.

V

Все, что знает, – узнала она от матери.

> Я – бедная, старая женщина;
> я ничего не знаю, книг никогда не читала;
> в церковь только хожу… вижу там Ангелов,
> с арфами и лютнями, в раю,
> вижу, и в аду, мучимых грешников;
> ада боюсь, рая хочу, —

могла бы сказать и мать Жанны, так же как мать тогдашнего поэта, Франсуа Виллона.[94]

Отче наш, Богородица, верую, – этим молитвам выучилась Жанна от матери.[95] Слышала от нее и легенду о Михаиле Архангеле, и жития св. Катерины и св. Маргариты. Видеть их могла и на первых выходивших тогда из-под печатного станка картинках, разносимых по селам и городам книгоношами, и в церкви на иконах, где св. Маргарита с кропилом в руке попирала главу Дракона, Змия древнего: «семя Жены сотрет главу Змия».[96]

«Радуйся, Катерина Святейшая, Дева Пречистая и Прекрасная! Я – Архангел Михаил, посланный Богом, чтобы тебе возвестить, что ты победишь их и получишь венец от Господа», – говорит св. Катерине на суде Архангел.[97]

«Так же и мне скажет» – знает – ***помнит*** Жанна. Из дому бежит св. Маргарита в мужской одежде и остригши волосы.[98] «Так же убегу и я» – помнит Жанна. «Умер Иисус за меня; умру и я за Него», – говорит св. Маргарита палачам своим. Тело ее сожжено огнем, а душа вознеслась на небо в образе Белого Голубя.[99] «Так же будет и со мной» – помнит Жанна.

---

[94] Francois Villon:Femme je suis, povrette et ancienne,Je rien ne sais, onques lettres ne lus.Au moutier vois, dont suis paroissienne,Paradis peint où sont harpes et luts,Et un enfer où damnés sont boulus:L'un me fait peur, 1'autre joie et liesse…

[95] Procès. I. 46–47. – «A matre dedicit Pater Noster, Ave Maria, Credo, nec alibi didicit credentiam nisi matri».

[96] Henri Francois Xavier Marie Bouchot. L'oeuvre de Gutenberg, 1'imprimerie – l'illustration. Paris: H. Lecène et H. Oudin, 1889. P. 15. – Hanotaux. X. – Celestin Bourgaut. Guide et souvenirs du pèlerin à Domremy. Nancy: Impr. Berger-Levrault et cie, 1878. P. 60. – Emile Hinzelin. Chez Jeanne d'Arc. Paris: Berger-Levrault et cie, 1904. P. 65, 72.

[97] Varagine. Legenda Aurea. – Jules Douhet. Dictionnaire des légendes du christianism, ou Collection d'histoires apocryphes et merveilleuses se rapportant à 1'Ancien et au Nouveau Testament, de vies de saints également apocryphes et de chants populaires, tels que cantiques, complaintes et proses. Paris: J.-P. Migne 1855. P. 282. – France. I. 39:Ave, très sainte Cathérine,Vierge pucelle nette et fine.

[98] Varagine. Vita S. Margaritae. – «…Tonsis crinibus, in virili habitu». – Michelet. 174.

[99] Douhet. 824–836.

VI

К западу, в полуверсте от селения Домреми, находился на холме древний, дремучий лес, куда никто не ходил, от страха кабанов и волков, а у подножья холма, в смородинных кустах, – источник «Добрых Фей Господних», как называли его поселяне, может быть желая окрестить этих древних богинь, «Лесных и Водяных Госпож», то благодатных, то страшных, подкидывавших в колыбели младенцев «судьбы-жребии».[100]

Тут же, на лесной опушке, находился очень старый, дремуче-тенистый и развесистый бук, «Дерево Фей» или «Май-Прекрасный».[101] «В старые годы Госпожи Лесные водили хороводы по ночам, под Маем-Прекрасным, но теперь уже из-за грехов своих не могут этого делать», – сказывала Жанне одна из ее крестных матерей, а другая своими глазами все еще видела в лунном свете пляшущих Фей.[102] Но Жанна сама их не видела и не верила в них, или боялась верить, думая, что это «грех», «колдовство».[103]

Юноши и девушки сходились по ночам у Смородинного источника, пили из него целебную будто бы воду, вешали венки на ветви старого бука, «Мая-Прекрасного», и, так же как Феи, водили под ним хороводы.[104] С ними плясала и Жанна, но только в раннем детстве, а потом перестала, тоже боясь «волшебства», и, вместо Фейного дерева, вешала венки перед изваянием Богоматери в находившейся тут же часовне.[105]

Точно такое же Фейное дерево осеняло и черный камень-бэтиль у часовни Пью-Велейской Черной Девы Матери: вот, может быть, почему боялась Жанна волшебства Мая-Прекрасного.

---

[100] Procès. Table, aux mots: Bois Chesnu, Fopntaine des Groseillers. – Journal d'un bourgeois de Paris. 267. – Wolf. Mythologie des fées et des elfes. 1828. – A. Magury. Les fées au Moyen âge. 1843. – France. I. 12. – «Fontaine-aux-Bonnes-Fées-Notre-Seigneur».

[101] Procès. II. 422. – «Le Beau-Mai».

[102] Procès. II. 396, 450; I. 67, 209.

[103] Procès. I. 185–186.

[104] Procès. II. 422.

[105] Procès. I. 67, 209–210.

VII

«Выйдет некая Дева из древнего Леса Дремучего, чтобы исцелить Францию от многих ран», – это пророчество слышала в детстве Жанна и в шуме Дремучего Леса, и в шелесте книжных листов:

Деву видели в Духе
Бэда, Мерлин и Сибилла
Тысячу лет назад, —

«Деву Рождающую», Virgo Paritura, древних кельтов-друидов.[106]

Жанна и этому не верила, или боялась верить, потому что и это казалось ей «волшебством», «действием Силы Нечистой». Но, слыша пророчество, сердце в ней замирало, как будто уже верило.

[106] Michelet. 173. – «…Quod debebat venire Pucella ex quodam nemore Canuto…». – Procès. III. 347. – «Une Pucelle sortira du Bois Chesnu pour guérir les blessures de France». – Hanotaux. 5:…Car Merlin, et Sibile, et Bède,Plus de mille ans a, la virentEn Esprit…

VIII

Первая наука Жанны – молитвы и легенды матери; вторая – шелест Дремучего Леса, а третья – война.

Мира Жанна не знала вовсе: только что начала помнить себя – услышала о войне французов с англичанами, людей – с «Хвостатыми», «Годонами»; а потом и своими глазами увидела, что такое Война.

В битве под Азинкуром, в 1415 году, когда Жанне было три-четыре года, погиб цвет французского рыцарства и Париж был предан огню и мечу.[107] В те же дни королева Изабелла Баварская, супруга пораженного безумием французского короля Карла VI, отдавая, по Тройскому договору, Францию английскому королю Генриху V в приданое за дочерью, «сделала из благородных Лилий Франции подстилку Леопарду Англии».[108] Смертные останки Франции делит Англия с Бургундией. Английский король Генрих VI, сын Генриха V, колыбельный младенец, признан единственным законным наследником обоих соединенных королевств, Английского и Французского.

Домреми находилось на большой дороге войны, на самой границе между двумя воюющими странами, Англией—Бургундией и Францией. Голод – от войны, а «черная смерть», чума, – от голода. Люди годами не сеют, не жнут. Волчьи стаи бродят в запустевших полях и роют землю, отыскивая трупы.[109] Поселяне пашут только близ городов и замков, не дальше, чем может видеть часовой с колокольни или крепостной башни; все остальные земли пускают под пар, так что они зарастают колючим кустарником и сорными травами. Издали завидев приближающихся ратных людей, часовой бьет в набат или трубит в рог. Во многих местах так часто били в набат, что волы, овцы и свиньи, едва заслышав его, сами заходили в ограды.[110]

Ужас войны увидела Жанна, только что открыла глаза на мир. Ночью, внезапно пробуждаясь от набата, видела кровавое на темном небе зарево пожаров и слышала далекий пушечный гул. Но ей было не страшно, а жалко. «Сказывал мне Архангел Михаил о великой, бывшей в королевстве Франции жалости», – вспомнит она в конце жизни то, что было в начале.[111]

---

[107] Hanotaux. 6–7. – Azincourt.

[108] Claude Carlier. Histoire du duché de Valois. Paris: Guillyn, 1764. Vol. II. 441 et suiv. – Luce. III. – (Traite de Troyes).

[109] См. сноску выше.

[110] См. сноску выше; Thomas Basin. Histoire de Charles VII, éditée et traduite par Charles Samaran. Paris: Société d'édition «Les Belles lettres», 1933. Vol. I. Ch. IV. – A. Tucty. Les écorcheurs Charles VII. 1874. II, passim, – H. Lepage. Episodes de 1'histoire des routiers de Lorraine. P. 161 et suiv.

[111] Petit de Julleville. 132. – «…L'Ange me racontait la grande pitié qui était au royaume de France».

IX

Жанне исполнилось лет шестнадцать, когда родители ее вместе с остальными домремийскими жителями бежали из родного селения от бургундского нашествия в соседнее местечко Нёфшато, а когда возвратились, то нашли на месте Домреми только обгорелые развалины: Жаннин дом, сад, церковь, кладбище, селение, поля, – все было опустошено, осквернено и разграблено.[112]

Хуже всего было то, что люди пали духом. «Что нам делать? – говорили. – Вот уже не год, не два, а четырнадцать-пятнадцать лет, как началась эта чертова пляска, и большая часть французского рыцарства погибла злою смертью, без покаянья, от меча и яда, от измены и предательства… Лучше бы нам служить неверным, чем христианам… Бросим жен и детей, бежим в леса, чтобы жить, как дикие звери живут… Нет ни добра, ни зла; будем же делать зло – все равно один конец, хуже не будет… Предадимся дьяволу!»[113]

В этой жалобе Франции, поруганной, изнасилованной и убиваемой Англией, как на большой дороге девушка насилуется и убивается разбойником, – самое глубокое слово: «чертова» или «скорбная пляска».

Весь народ как бы сходит с ума, и люди заражают друг друга безумием в страшной «Пляске Смерти». Все начиналось с легких судорог в лице и в теле; самое страшное в них было сходство с веселою пляской. Судороги эти постепенно ускорялись, и люди хватали друг друга за руки, образуя неистово пляшущий круг. Многие сначала, глядя издали, только смеялись, но вдруг, охваченные общим безумием, пускались тоже в пляс; и видно было, как тянется он по большим дорогам, точно исполинский извивающийся змей. Остановить его нельзя было ничем; можно было только разрубить, кинувшись на пляшущих так, чтобы прорвать их тесно сомкнутый круг; лишь таким внезапным прорывом могли они освободиться, а иначе доплясались бы до смерти.[114]

---

[112] Procès. II. 392, 454; I. 51, 214. – Luce. CLXXVI.

[113] Journal d'un bourgeois de Paris. 164. – «Que ferons nous? Mettons nous en la main du duable. Il ne nous chaut de ce que nous allons devenir, car, par mauvais gouvernement et trahison, il nous faut renier femmes et enfants, et fuir dans les bois, comme bêtes sauvages. Et il n'y a pas un an ou deux, mais déjà quatorze ou quinze ans que cedanse douloureuse commença… Mieux nous voudrait serviles Sarrazins que les chretiens. Autant faire du pis qu'on peut comme du mieux. Faisons du pis que nous pourrons…».

[114] Memoir. de I'Acad. d. Science. Vol. XVI. P. 424–427. M. Larrey. La Danse de Saint-Guy. – Michelet. 117–118.

X

«Нет ни добра, ни зла; предадимся же дьяволу!» – говорил темный народ; а первые люди Франции, такие, как маршал Жиль дё Ретц, из дома герцогов Бретонских, – этого не говорили, но хуже – делали.

Древняя, похожая на ведьму, старуха, с черной, полуопущенной на лицо рединой, подстерегая маленьких детей в сумерки, в уединенных местах, заманивала их ласками в замок дё Ретца, где была великолепная часовня с большим хором мальчиков и девочек, потому что маршал славился ревностью к благолепию церковному. В хор поступали и заманенные дети, а потом дё Ретц, служа на крови их «черные обедни» дьяволу, замучивал их медленно, в сладострастных пытках. Люди окрестных селений были им так напуганы, что никто не смел на него донести, и четырнадцать лет предавался он злодействам своим безнаказанно. Судя по найденным костям, было замученных детей до полуторы сотен. И когда уже осудили его, то все еще не смели исполнить над ним приговор – сжечь на костре: задушили прежде, чем пламя коснулось тела его, и благородные дамы похоронили его в святой кармелитской обители, с почестью.[115]

Встреченная в сумерки, в поле, старою ведьмою, с черной на лице рединой, заблудившаяся маленькая девочка Жанна – святая душа Франции.

[115] Michelet. 318–324. – Biblioth. Royale. Manuscr. 493.

XI

Жанне было лет тринадцать, когда она услышала однажды в саду, в тишине бездыханного полудня, чей-то Голос. Тихо только позвал он: «Жанна!» – но она испугалась так, как никогда ничего не пугалась в жизни.[116]

Так, по одному свидетельству, а по другому – иначе: бегая будто бы на цветущем лугу с подругами, так легко, что казалась летающей, вдруг остановилась, прислушиваясь к чьему-то зову, «в восхищении, как бы вне себя», и, подумав, что зовет ее мать, побежала домой; но услышала, в саду, все тот же зов и только тогда испугалась.[117] Это второе свидетельство подтверждается отчасти и самою Жанною: «Голос мне послышался – ***явился***, когда я пасла овец в поле».[118]

Что значит этот неведомый зов, лучше всего объясняет великий русский тайновидец Гоголь: «Мне всегда был страшен этот таинственный зов. Помню, в детстве я часто слышал его: вдруг позади меня кто-то явственно произносил мое имя. День обыкновенно был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевелился; тишина была мертвая… Но признаюсь, если бы ночь, самая бешеная и бурная, со всем адом стихий настигла меня одного среди непроходимого леса – я бы не так испугался, как этой ужасной тишины среди безоблачного дня. Я, обыкновенно, бежал с величайшим страхом и занимавшимся дыханием из сада и тогда только успокаивался, когда попадался мне навстречу какой-нибудь человек, вид которого изгонял эту страшную сердечную пустыню».[119]

Этот «панический ужас» знали и древние: им тоже слышался в нем доходящий из того мира в этот таинственный зов.

---

[116] Procès. I. 52, 72–73, 89, 170. – «…Magnum habebat timorem».

[117] Petit de Julleville. 10. – Lettre du sénéchal de Berry, Perceval de Boulainvilliers au due de Milan, année 1429. – «…Ravie et comme hors de sens…».

[118] Procés. III. 204. – «Comme je gardais les animaux, une Voix m'apparut».

[119] Гоголь. Старосветские помещики.

XII

«Жанна!» – позвал ее Голос трижды, и в третий раз узнала она, что с нею говорит Архангел Михаил. Детски просты, понятны были слова его и как будто не страшны:

– Жанна, будь доброй и умной девочкой; часто ходи в церковь, молись![120]

В первый раз узнала она тогда и потом узнавала Михаила Архангела по рыцарским доспехам – шлему, броне и копью, пронзавшему Змея, – точно таким же, как в церкви, на иконах и в изваяниях Архангела; узнавала его также и «по рыцарской любезности, courtoisie, и по исходившим из уст его прекрасным словам».[121]

Вместе с Михаилом Архангелом прилетало иногда и множество маленьких ангелов, плясавших, как ослепительные искры или те бесчисленные пылинки, что вьются в проникающем сквозь ставни в темную комнату солнечном луче.[122]

Жанна узнавала Архангела, но не всегда и не совсем и вдруг начинала бояться, не зная наверное, он ли это или не он.[123]

«И Голос мне сказал: „Очень жалеет Господь французский народ. Жанна, тебе должно идти во Францию!“ И, услышав эти слова, я заплакала».[124]

Плачет от «великой жалости, бывшей в королевстве Франции». Жалость так велика, что ею и страх заглушается; может быть, только по ней узнает, что говорит с нею не кто иной, как Михаил Архангел.

---

[120] Michelet. 174–175. – «Jeanne! sois bonne et sage enfant; va souvent à 1 église».

[121] Procès. I. 173, 248, 249. – P. Ch. Cahier. Caractéristique des Saints dans l'art populaire. Paris: Pousselique frères, 1867. Vol. 1. P. 363.

[122] Procès. I. 72, 75.

[123] Amiet. 97. – «La première fois… j'eus grande peur. J'eus aussi grand doute si c'était Saint-Michel… se tenait à quelques pas, et Tune des Saintes faisait la navette pour prendre conseil de 1'Archange».

[124] Procès. I. 52.

XIII

«Завтра приведу я к тебе двух святых, избранных тебе в советницы Отцом Небесным. Слушайся их и делай все, что они тебе скажут», – обещал ей однажды Архангел и, как обещал, так и сделал: привел к ней св. Катерину и св. Маргариту, стал немного поодаль от нее, и то одна из святых, то другая ходила от нее к нему, а от него – к ней, «как челнок ходит в ткацком станке». «Я спрашивала у них, а они – у Архангела и потом давали мне ответ».[125]

Большею частью слышались ей Голоса с правой стороны, оттуда, где была церковь,[126] и оттуда же сиял ей «великий Свет», может быть, такой же, как Павлу, на пути в Дамаск:

> около полудня вдруг осиял меня великий Свет с неба…
> превосходящий сияние солнечное (Д. А. 22, 6; 26, 13).

«Около полудня» услышала Голос и Жанна, в первый раз, а может быть, увидела и Свет.

Чаще всего слышались ей Голоса в звоне колоколов, вечерних и утренних. Очень она их за то полюбила и обещала собственного печения хлебцы пономарю, чтоб он звонил усерднее.[127]

Никому никогда не говорила о Голосах – ни отцу, ни матери, ни духовнику.[128]

---

[125] См. сноску выше.

[126] См. сноску выше.

[127] Procès. I. 480; II. 413. – «Promiserat dare lanas… ut diligentiam haberet pulsando».

[128] Procès. I. 218. – «Celavit visiones curato, patri et matri».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.